

Александр ПАВЛОВ

(7.12.1961 г. – 6.08.2019 г.)

Родился на Урале, закончил переводческий факультет в лингвистическом университете в Нижнем Новгороде и курс практики языка и перевода в университете Манчестера, Англия. Служил в советских ВВС, работал военным переводчиком в странах Африки, корреспондентом газеты, руководителем коммерческих компаний, фрилансером, консультантом. Стихи, переводы, эссе и проза регулярно публикуются в журналах, альманахах и интернет-изданиях в России, Израиле, Европе и США. Со-победитель конкурса поэтов-неэмигрантов «Неоставленная страна» VII международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2018/2019» (совместно с М.-М. Шереметевой). Бывал в 43 странах мира, знал несколько иностранных языков. Жил в Армавире, умер в Москве.

В начале нынешнего года не стало удивительного русского поэта, Александра Павлова. Впрочем, для русского поэта физиологическое «не стало» очень часто означает, что поэт только начинает становиться явлением литературного мира и прочих миров человеческих. Начинает становиться, становится и остаётся, принимается жить в своих поэтических строчках, в своей причастности к прошлому, настоящему и будущему, к сердцам человеческим.

Саша Павлов из таких отличных поэтов, отличных от всех других, отличных, запоминающихся, сопереживаемых в каждом прочтении – первом, втором, последующих. Сопереживаемых каждый раз иначе, всё глубже, всё проникновенней.

О. Г.

РОНДО НА ГЛАДИ ЛЬДА

за-речь-е

а. королеву

дождями олову пролиться
и запрокинутую в гжель
утопишь голову в странице
высоких росчерков стрижей

от смол и хвои жирных сосен
тропой к кисельным берегам

где меткий блин на рыжем плёсе
взлетает детством по кругам

отсчитанным звенящим смехом
в излучине судьба-реки
там рядом радуги и эхо
и мы и наши старики

в испарине дворы и росы
хмельны от трав до медуниц
там взоры голы души босы
там есть ответ и нет границ

медовым хворостом и ныне
июнь там крошится рукой
пока не сохнет и не стынет
любви парное молоко

а. кушнеру

каждый район мечтает спасти свой private
пусть в уголках блестящих бериллом глаз
грусть отпустив стропу на строфу поправит
или до срока куполом скрутит мгла
ветров сдувающих запахи в атмосферы
в то никуда куда не добросишь сам
мысли желания страсти капризы веры
вздохом признанием камнем
атлантисом

сколько минут
необъявленным приговором
коконам расстыкованным снись не снись
где-то два города к рельсам пришиты скорым
парой других в аэробус продета нить
точками п и п по всем алфавитам
рвутся отрезки на беспризорность прямых
звёзды двойные горевшие монолитом
катятся поодиночке в частные тьмы

упряжь несла двоих а они телегу
щастья ухабов поровну вздох на шаг

вдруг распрягает время вольному бегу
нас и вразнос одинокая гнёт душа
каждому райану хочется быть спасённым
наедине побыв со своей войной
выпав из взглядов запахов и спросонок
две эти буквы стянуть чтоб слились в одной

всё больше босха

всё больше воска боже боже
травы людской на вечном ложе
драже дождей листвы моложе
и влаги вгрызшейся в жару
всё меньше ликом холст тревожит
растрескавшийся непохожий
художник кистью уничтожив
себя как чёрную дыру

всё больше босха лёша лёша
забилась в волосы пороша
гнетёт камней и неба ноша
к губам привычно льнут кресты
когда страницы тьму умножат
в душе истерзанных обложек
хоть пол-строки оставить всё же
немного чище пустоты

джанкой, 1986

В перестроечном Джанкое гул винтов не беспокоил –
по чужим краям и весям разметало лётный полк.
Кто в Анголе, кто в Ханое, кто в Баграме – храме крови,
с фронта – в госпиталь на месяц,
кто – к чужой жене под бок.
В городке цветут левкои, молодухи глазки строят,
в майском воздухе такое... бродит... ноги б унести!
Мы в «бостоне» спецпокроя, молодые оба-двое,
на пороге: «Презент от Коли! Ваш комэск просил зайти.»
Распахнула дверь дивчина, двадцать с хвостиком и косы.
В тесной комнате мальчонка молча дулся на горшке.
С другом мнётся благочинно, хором, в лад – на все вопросы:

жив-здоров, летает, любит, вот – гостинцы в вещмешке.
И ни словом, что в Куито борт сажал горящий дважды,
что стреляют суки в спину, вышел в город – и мишень,
что без рук её нирваны, женских ласк в полночной жажде,
огрубел совсем мужчина за сто дней зарубежей.
Собрала на стол хозяйка, так и быть, на миг присели,
по одной – за командира, чтоб вернулся – по второй.
Друг толкает в бок: давай-ка отползай – слегка кося,
жадным взглядом пригвоздила, грудью к другу: ну, герой!
Пышет жаром, кожа сливки, под халатиком ни нитки,
глаз бездонные озёра, загляни – и не всплывёшь.
Тихо пятимся от лиха: жди, терпи, вернётся скоро.
Шмыг за дверь, и стыдный липкий пот – под вешний
здешний дождь.
Крым и рым в пустынном холле, водки взяв на эскадрилью,
пышных горничных спровадив, не до танцев по кустам,
в клубах дыма сами-двое потихоньку молча пили.
Плыл закат над лётным полем, где-то наш Колян взлетал...
Через год, под кровлей новой их малой качает люльку,
в доме лад, карьера в гору, счастлив, бодр – желать чего?
А ...ещё спустя немного громом весть,
что борт Миколы
в облаках
не разминулся с «Илом» друга своего...

* * *

...и чтобы всё в нём было...

из разговора

и говорит он ей заberi уж таким как есть
может быть ангелом может и проклятым бесом быть

поймашь счастье в сачок в тебе растворится весь
запнётся и смерть об угол и не зароет быт

сама перестанешь помнить кто есть ребро
на дрожь твоей брови вспорхнёт ожиданьем чуд

хотя он ведь богу то же что золоту серебро
ему дано нелегко серебряному чуть-чуть

перемерять углы пространств населяя взгляд
каждым нет и да твоим своим да и нет

так грустно даже когда ненадолго земля
уйдёт из-под ног обернувшись спиной к луне

ноу бёрнс

маме

здесь будет дом тебе и мне
в уютных холмиках стерне
ты станешь облаками таять
я тихо пузырить в огне

земле пузатой навсегда
в станицы веси города
легко однажды разрешиться
и снова нас забрать туда

где мы пойдём рука в руке
к отцу и брату вдалеке
неважно из какого данте
сжимая души в узелке

старый проявочный бачок

осень слишком очевидна

вл. сергеев

в лужах жмурятся окурки.
закрывай глаза.
растворяет переулки капающий за
воротник, за угол дома, за тепла сезон
растворитель дыр бездонных,
мокрый как озон.

бабье лето было ль это?
ветром холостым
лотерейные билеты гонит нам пустырь —
от осины, от берёзы, от кривой ветлы —
проиграй пока не поздно.
накрывай столы.

по утрам летят в разрывы сердца облака.
очевидно, слишком живы, раз грустим пока.
проявился и растаял ставший скучным сад.
в плёнке вымыли цвета, и...
не крути назад.

поздний завтрак у шекспира

ланчем в салфетке труднопереводимая тишина
а над упавшим ветром вепрями спят холмы
мысль отгоняю от берега боже как ты бледна
дна не слышат камни брошенных слов и мы
немые пьются стэтфорд на вязанные шнурки
камера скроет главное не развернёт анфас
фаски снимают с прошлого билловы земляки
лидс пожилая мама кафедра новояз
язвы желтеющих фото хватает уже фолкленд
лень ледорубов рондо на глади льда
дай позабыть мне эйвон звона сколько лент
треснувшей памяти грунты рвут родниками дат
датские королевства биафры улыбки джоконд
конго разлитый кофе треклятые чипс-энд-фиш
фишки не строятся в столбик последний кон
кончилось лето и ты без акцента молчишь

летнее слепое

г. михалёву

все время из неправильной борьбы
рождаются под гравием грибы
в их спорах зреют то ли снедь то ль яд
и скоро время им лишь ты да я
наверное окончится борьба
бесспорным содержанием гриба
увы одно не знаешь наперёд
каким оно над гравием взойдёт

Емельян МАРКОВ

Прозаик, поэт, драматург, критик. Родился в Москве в 1972 году. В 1998 окончил Литературный институт им. Горького, сразу же по дипломной повести «После долгой зимы» был принят в Союз писателей Москвы. Работал художником по кафельным панно, резчиком по дереву, дворником, массажистом, библиотекарем, редактором ряда издательств и литературной части театра. В издательстве «Эксмо» разработал серию «Русская поэзия Серебряного века» и составил вошедшие в неё книги. Член Международного ПЕН-клуба. Печатался в журналах «Знамя», «Юность», «Кольцо А», «Литературная учеба», «Южное сияние», других периодических изданиях. Лауреат премии журнала «Кольцо „А“» 2003 года (за повесть «Заместитель»). Лауреат Царскосельской художественной премии 2007 года, полученной за книгу повестей и рассказов «Волки купаются в Волге». Автор романов «Третий ход», «Маска», «Мирон», пьесы «Сосновый дождь».

Емельян Марков погружает своего читателя в удивительные, зыбкие, пограничные состояния человеческой души, в которой все существа и стихии, сущности и явления, чувства и страсти воспринимаются и познаются через подтексты, полутона, светотени. То есть через нечто глубинное. И делает это мастерски, убедительно, выражая неоднозначность, сложность, «полифоничность» бытия во всей своей достоверности. Поэт преломляет мир не только через внутреннее самоощущение, но и через глубоко солипсическое восприятие окружающей реальности. Но реальность в этих зыбких солипсических картинах странным и самым завораживающим образом упорядочивается. Такие стихи хочется перечитывать.

О. Г.

СВОЯ ТИШИНА

ПЛАЦКАРТ

Как люди в вагоне
Не кричат от ужаса
Своего существования,
То есть, наоборот, молчат?

Солнце в тучах,
Как ястребиное око.
Вот око закрылось,
Но, пока не стемнело,
Мальчик ещё может
Читать на верхней полке.
Вдруг огненный зрачок

Над степью снова выкатился,
Расширился, вот-вот обгонит.

Даже в плацкарте
Дальнего следования
Жаль проходящего дня.
Ночью – зелёное сияние
Млеет на мутном стекле
Окна в тамбуре.
Звучит подвижная сталь.

ВЗГЛЯД

Море напоследок
Затуманилось, как взгляд.
Девочка одна не спит в вагоне.
Смотрит в окно,
И не понимает,
Что это у моря:
Насмешка, сожаление,
Нежность или грусть?
Девочка не понимает,
Поэтому обижается на море.
Она обижается ещё потому,
Что море так легко
Её отпускает.

ПАЛЬМА

Пальма процеживает шквалы дождя,
Прорешечивает солнце,
Дождь хлещет на пальмы,
А им ещё удаётся танцевать
Под этими ударами
Небесных плетей,
Танец – один из немногих
Способов пережить унижение.

В частые длинные щели
Сквозит солнечный ветер,
Густой, как самбука.

Пыльные, как дорога,
Стволы обрастают бивнями
И сами заворачиваются в свои сети.

Пальма – дерево мечты,
Она весело шуриться,
Как женщина, которая
Заглядывает в моё спящее лицо,
И я открываю глаза.

МЕСТЬ

Более всего устаёшь от мести,
Своей и чужой.
Может быть, поэтому
Некоторые народы
Обожествляют месть:
Чтобы так от неё не уставать.
У этих народов
Мсть похожа на любовь,
Мстить там спешат
В восторге и с колотящимся сердцем,
Как – на нежное свидание.
Тогда как у нас
Мсть похожа на зависть:
Сердце, наоборот,
Глохнет, и мы уже
Никуда не спешим.

ОБИДА

Люди неначитанные
Склонны жить обидами.
Каждую непрочитанную книгу
Им заменяет какая-нибудь
Памятливая обида.
Они, как облака,
Полные дождём, ходят,
Полные обидами.
Но, если облака
Изливаются дождём

На листья и стекла,
То обидчивые
Копят обиды под завязку.

Ну и что? Что, если
Те, которые читают
Книгу за книгой,
Копят не свои обиды,
А чужие? Ведь
Каждая великая книга,
Она и большая обида.

Лучше над книгами
Плакать и улыбаться,
Как облака.
На днях я видел
Голубую улыбку облаков,
И долго не мог сообразить,
Что это.

СПЯЩАЯ ЗМЕЯ

Змея спит,
А кошка бодрствует
В свете зелёной лампы,
Которой у меня нет.
Ты уехала, и я не могу
Есть твою стряпню,
Хотя всегда раньше набрасывался.
Я не просил тебя не ехать,
Потому что просить бесполезно,
Но я ведь ясно дал тебе понять,
Что я решительно возражаю.
Ты же наготовила этой снеди
И опять уехала.
Змея спит,
А кошка бодрствует
В свете зелёной лампы,
Которой у меня нет.

СВОЯ ТИШИНА

Большая ворона
Пытается зацепиться
За облетающую,
Словно истерзанную,
Рано пожелтевшую
Листву ясеня.
И вороне удаётся,
Она хмуро замирает
На тонкой ветке.
Я отвернулся на мгновение,
Повернулся опять,
Вороны уже нет,
Только своя тишина.

ПАРА

Пара должна
Сообща мечтать хотя бы
О новом холодильнике.
Некоторые пары
Начинают вместе пить,
Чтобы вместе помечтать
О завтрашнем утре.
Можно вместе
Мечтать о революции,
Которая уже была,
Или о конституции,
Которая уже есть.

Мы же мечтаем
Друг о друге.
И это – ежедневный тупик,
Из которого первой
Сбежала ты.
Ведь это разные мечты:
Я мечтаю о тебе,
Ты мечтаешь обо мне,
У нас разные идеалы,
Мы совершенно чуждые
Друг другу люди.

Какое-то время
Мы вместе самозабвенно
Мечтали о том,
Чтобы я бросил пить.
Я бросил. И ты
В смятении ушла.

В ОЖИДАНИИ СОЛНЦА

Ты бился мне в ноги,
Как штормовые волны,
Вместе со штормовыми волнами.
Я выбежала на берег,
Ты за мной. Кричишь:
«Я стану твоим рабом!
Я стану твоим рабом!».
Мы вернулись в компанию.
Всю ночь мы пили вино
И читали вслух стихи.
Под утро всей компанией
Мы вылезли на крышу
Курортного небоскреба,
Чтобы встретить солнце
Над морским горизонтом.
Мы жадно смотрели
В бескрайнюю кудрявую
Темноту.
Вот в ней проявился
Горизонт. Сейчас
Взойдёт солнце.
Светало, где-то внизу
Запели птицы.
Но горизонт оставался
Пуст и уныл.
Солнце так и не взошло.
«Как это может быть? —
Спросила я у всех. —
Уже светло, а солнце
Почему-то не взошло».
Мы обернулись,
Чтобы уходить.
Солнце было у нас за спиной,

Оно вошло с другой стороны,
Мы перепутали стороны света.

РЯБИНОВАЯ КРАСКА

Яркая краска рябины
С веток мажется
По холодному воздуху,
Как по стеклу палитры.
Двадцать пять лет назад
Я понял, что ты
Мне нужна как воздух,
Что я не могу без тебя
Правильно дышать.
Теперь я не могу
Дышать правильно
Ни с тобой, ни без тебя.
Приходится дышать
Цветом рябиновой краски.
И это – правильно.

СЛЫША ЛУНУ

Вчера гнал на машине
По автобану.
И слушал Луну.
Выключил музыку,
Чтобы не мешала.
Луна была большая,
С прозеленью,
Не совсем полная.
Она была так близко,
Что её было слышно.
На въезде в радостный,
Одновременно зловещий
Город она словно
Осталась позади,
Над лесом. Но нет.
То слева, то справа
Она появлялась
Между домами.

Но, чем выше
Она поднималась,
Тем хуже я
Её слышал.
Когда она замолчала,
Я опять включил
В машине музыку.

ЗЕРКАЛО

Посмотрите на фотографию
Зеркала. Вы ведь
В нём не отражаетесь.
У нас в деревенском доме
Было такое зеркало,
В котором никто не отражался.
Мы его очень любили,
Считали семейной реликвией.
Вызывает ли такую нежность
Зеркало, отражающее
Всех домочадцев?
Почему-то нет.
О нём вспоминают,
Только если оно разобьётся.
И вот тогда, чтобы
Не оплакивать его,
Начинают опасаться
Плохой приметы.

ЕЛОВОЕ МОЛОКО

Еловое молоко на коре
Застывает медленно.
Ему холодно,
Как бледным
Ногам девушки,
Потерявшей
Недавно отца.

В платье до колен
Она входит

В тёмный лес,
Словно её зовёт
Еловое молоко,
Как позвал бы
Родным суровым
Голосом отец.

ПОЛУУЛЫБКА

Когда она
Только начала
Стариться,
Он ослеп.
Так она
Осталась для него
Вечно молодой.

Теперь он мог
Видеть только её,
Поэтому
На губах его
Постоянно
Играла
Полуулыбка.

ЛАМИЯ

Странно,
Оказалось,
Ламия на своих
Эфемерных ногах
Ходит среди нас.
Сегодня утром
Она сходила в толпе
С эскалатора в метро.
Она поняла,
Что я её узнал,
Опустила голову,
Потупила твёрдый взор.



Анна Будина. «Ночь на Варги». Акварель, бумага, 31х41 см. 2019 г.

Дмитрий ЛЕГЕЗА

Родился в Ленинграде (Санкт-Петербурге), закончил медицинский институт, кандидат медицинских наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей, один из основателей и редактор ЛИТО «ПИИТЕР», организатор международного литературного фестиваля «Петербургские мосты». Автор сборников «Башмачник» (СПб, 2006), «Кошка на подоконнике» (СПб, 2010), «Картины изменчивого мира» (СПб, 2017). Печатался в журналах «Знамя», «Аврора», «Северная Аврора», «Зинзивер», «Бельские просторы», «Сибирские огни», «Интерпоэзия» (США), «Новый берег» (Дания), «Arquitrave» (Колумбия), «Шо» (Украина), «L'immaginazione» (Италия), «Mange Monde» (Франция), «Pratik» (Непал) и пр. Стихи переводились на английский, польский, французский, испанский и итальянский языки. Принимал участие в различных литературных фестивалях, в том числе в Канаде (Труа-Ривьер), Аргентине (Буэнос-Айрес), Никарагуа (Гранада) и др.

Дмитрий Легеза смотрит на этот мир и в человека (в мир и на человека) то ли сквозь дьявольский прицел, то ли через окуляр Господа. Стихи поэта зачастую страшны и одновременно спасительны. Ад и Небо, Жизнь и Смерть, наполовину Жизнь и наполовину Смерть, жертвенность и порочность, Жизнессмерть, ужас и внутренняя ирония, которая избавляет от ужаса. Все эти Дантовы аллюзии в поэзии Дмитрия Легезы далеко не случайны. А что человек? А человек в стихах Легезы вроде бы и отверженный, отвергающий. Он, кажется, и подл, и мал, порой не больше насекомого, но и неизмерим, безграничен,

бесконечен, ибо он способен преодолевать весь этот ужас и, невзирая на inferнальный грохот, слышать далёкий серебряный звук.

О. Г.

* * *

В Архангельске дожди. Гостиница «Двина»
Готовится тонуть, задраивая люксы.
Соседние дома уже достигли дна
И шлют сигнал, что наверху не лучше.

Зато внизу еда и те же города,
Подонки есть, но их и ранее хватало,
«Мы ж рыбная страна, давайте все сюда»,
Но капитан «Двины» не слушает сигнала.

Канадку засмолив, он думает про тех,
Кто верность сохранил гостиничной присяге –
Уборщица Наргиз и спившийся портье,
И менеджер Олег, и грузчики-салаги.

А девочка одна, что так была близка,
Что с биркой на груди работала у стойки,
Покинула «Двину», теперь она – треска,
Подруга вожака некрупной рыбьей стайки.

БЕЛОРУССКОЕ

Что такое дорога в лесу?
Безмятежности тяжесть большая.
Я иду и конфетку грызу,
Кое-как тишину заглушая.

А у вас, говорят, замело
Петербурга дворы и болота,
А ещё агитируют зло,
А ещё отравили кого-то.

А ещё опустела казна,
Император кричит на бездарных
Исполнителей. Здесь же сосна
И какой-то колючий кустарник,

И далёкий серебряный звук,
Будто звон колокольный с Коложи.
Жаль, дорога кончается вдруг,
И конфета кончается тоже.

ЧУЛОЧКИ

Матроски, стриженные чёлочки,
Смешные детские рисунки,
Но мне запомнились чулочки,
Они крепились на резинки.

Страна гудит, страна на марше,
Пыхтят станки, летят ракеты,
А мальчики из группы младшей
В чулки позорные одеты.

Как будто все открыты дали нам,
Твори миры, решай задачи,
Но разве можно быть Гагариным
В чулках сползающих девчачьих?

Пока над подлыми застёжками
Мои сопели одногодки,
Я истерил и топал ножками,
Истошно требуя колготки!

ИЗГНАННЫЕ

*Послышался голос: «А знает ли кто твои стихи
Наизусть? И те, кто знает,
Уцелеют ли они?» – «Это забытые, –
Тихо сказал Данте, –
Уничтожили не только их тела,
их творения также».
Смех оборвался. Никто не смел даже переглянуться.
Пришелец
Побледнел.*

Б. Брехт «Посещение изгнанных поэтов», пер. Б. Слуцкого

Хотел придумать рай для поэта – и вот тебе на:
Ни пиров Валгаллы, ни сочных гурий Джанната.

Только ранняя осень и домик над озером, и луна,
Кисточки, тушь, бумага – большего и не надо.

Наблюдать за дорожкой лунной, слушать шорохи камыша,
Рыбы тихий плеск да птичий крик над водой,
Так сидит поэт и кисточкой, не спеша,
Он выводит строки – одна прекрасней другой.

И приходят друзья – Вергилий, Овидий, Дант,
Пьют вино, головами кивая, – ты гений, блин!
А потом я внезапно взял и придумал ад –
То же озеро, кисточки, строки... но ты один.

ЛЫСЫЙ АНГЕЛ

Твой ангел лыс как чёрная дыра,
Он первым поднимается с утра
И бьёт тебя по голове калечной:
– Я честно охранял твой сон земной,
Побудь со мной, поговори со мной,
Корми меня, ленивый подопечный!

Твой ангел лыс как чёрная дыра,
Он весь – посланец света и добра,
Отмеченный прекрасным аппетитом.
Смотри, не подведи его, герой,
Надень штаны, всю кухню перерой
И миску подходящую найди там.

Ты не готов, ты выпивал вчера –
Там развлекались гении пера
И томная читала поэтесса.
Красавицей увлёкшись молодой,
Ты позабыл купить пакет с едой
Для ангелов избыточного веса.

ОРГИЯ МАТЕМАТИКОВ

Вы не понимаете, ну как вы не понимаете,
Не знаете, ругая воров и творцов пенсионной реформы,
Какие страшные оргии устраивают математики,
Маленькие адепты гигантских формул.

Ни прокуратура, ни следственный комитет,
Ни даже всемогущая ФСБ
Не могут поймать математиков, а если и ловят, то те
В протоколах пишут: «Возьмём отрезок АВ,

Расположим его на окружности,
Центром которой является точка О...»,
И следователь убеждается в своей ненужности,
Он не способен доказать ничего.

А математик всё доказывает без адвоката,
На любые случаи имея тысячи теорем...
Математик каждую пятницу едет за пределы МКАДа
На дачу, обозначенную на карте как точка «М»,

Где его поджидают коллеги, угрюмы и бородаты,
С графином водки в виде хрустального интеграла.
Математик берёт интеграл, закусывает салатом.
Им подвозят математичек (ФМШ тут за два квартала).

И тогда начинается нечто – мороз по коже,
Жуть во славу Эйлера, Перельмана и Фибоначчи...
И разоблачить математиков способен только такой же,
Но предателей вычисляют рано. А как иначе?

КУДА ПОЙДЁТ РОССИЙСКИЙ ГАЗ

Кстати, вы знаете, куда пойдёт российский газ?
Конечно, вы ничего не знаете.
А ведь наше правительство заключило секретный контракт
О строительстве нового газопровода.

Какие там Северный или Южный потоки, эти детские забавы,
На самом деле всё гораздо серьёзнее,
Ведь наше правительство подписало договор с Владыкой Тьмы
О строительстве газопровода «Адский поток».

Какие там Польша, Германия, Турция... Нет, мы будем поставлять газ в
Ад,
В самое пекло для разогрева котлов, в которых мучают грешников.
Такой договор наше правительство
Подписало собственной кровью.

Наши трубы пойдут в глубины земли,
Они уже идут в глубины земли,
То, что взято из самых глубин, возвратится под землю.
С той стороны обещали помочь.

С той стороны обещали,
Что в ответ на поставку голубого топлива
Всем российским чиновникам
Облегчат посмертные муки.

Говорят, кое-кто из церковных иерархов
Уже благословил строительство.
Ведь это так важно,
Что на том свете
Можно жить, как на этом,
Пока не кончится газ,
Пока не кончится газ,
Пока не кончится газ.

В КАЖДОМ КЛАССЕ БЫЛ БОТАНИК

Ау, ау, ну где же ты, ботаник,
Твоих очков, гербариев твоих
Нам, дуракам, сегодня не хватает,
О, как нехватают тебе затишья,
В каких садах, среди лесов каких?

Мы были все самбисты и гимнасты,
Разрядники циничные слегка,
А ты молился богу Теофрасту,
Заучивая формулу цветка.
И всё, дружок, пока.

Лежи себе на белом цветоложе
В красивом ботаническом раю,
Мы более тебя не потревожим,
Не отберём амброзию твою...
We all are missing you.

ОФИСНЫЙ PROMOTION

Окуклился сотрудник Раппопорт,
Теперь он станет яркокрыл и нежен.
Мы думали – уехал на курорт
Или больничный взял, так нет же, нет же.

Он помещён в отдельный кабинет,
В условия телесного комфорта,
Где влажно и тепло, и мягкий свет
И на диване – кокон Раппопорта.

Окуклилась Егорова, она
И раньше не особенно хотела
Быть менеджером среднего звена,
Завидуя начальнице отдела.

Окуклиться готовы Федорук,
Карапетян, Потапов и Лучинкин.
Один лишь я, уткнувшись в ноутбук,
Сижу – забытый кандидат наук,
Оставленный на стадии личинки.

* * *

Одного молодого поэта упрекнули
В недостаточной плотности текста.
С тех пор молодой поэт стал уплотнять и уплотнять свои тексты,
Пока не добился максимального –
Каждое его стихотворение
Становилось маленькой чёрной дырой.
Будучи опубликованным в толстом журнале,
Стихотворение начинало втягивать стихи других авторов,
Затем прозу и даже критику.
В конце концов втягивался и сам журнал.

Так пропало несколько известных толстяков.
А вы говорите, денег не хватает...

* * *

Антон Поликарпович умер
И стал понимать свою кошку
И свинку морскую, и даже
Алоэ шипастый и пыльный.

Они ему долгие годы
Шептали, шипели, шуршали,
Мяучили в красное ухо,
В огромное ухо, а он

Хоть раз бы напряг свое ухо,
Напряг или, может, расслабил
Хоть раз бы, но был суетливым,
Веселье и деньги любил.

Антон Поликарпович умер
И слышит: «Привет, Поликарпыч,
Ты многое понял, но поздно,
А мы же тебе говорили...»

CAT AND PATERSON

Включили кино про Патерсона.
Кошка глядит, прижимая уши,
Она стихами потрясена,
Кошка – любитель Джармуша.

Патерсон пишет в секретном блокноте
Про спички и женщину что-то,
У кошки секретного нет блокнота,
И даже обычного не найдёте.

Кошка – тоже поэт, но лежачий,
Кошка – тоже поэт, но кошачий,
Возможно, она – Ахматова
Измерения пятого.

Из мягкого кресла мы смотрим кино,
Но слышать двуногим, увы, не дано,
Как там, в измерении пятом,
Читают котам и котяткам:

*!Славный мурлыка, прыгун и бегун,
Где ты теперь, сероглазый мейн-кун.
Спрыгну с лоточка, себя оближу,
В серые глазки котят погляжу...»*

* * *

Ангел-бабочка Маруся
Всё порхает и поёт,
Ожерелье белых бусин
Разорвала – раздает.

Получи-ка, брошенка,
Жемчуга горошинку.
От тебя ушла жена?
Вот чудесный шарик – на!

Ангел-бабочка Маруся
Ах, воздушный акробат,
Не жалея белых бусин,
Раздаёт их всем подряд.

Даже зэку Кузину
Подарили бусину,
Тот её закинул в снег.
«Счастья нет» – смеется зэк.

* * *

Ты будешь прозябать на пенсии,
В сенильном маяться маразме,
Когда Российская Поэзия
Тебе предъявит за харассмент.

Мол, двадцать лет тому назад её
Ты обнимал и что-то мял ей,
Нерукотворной блазил статусей,
А на поверку вышел мямлей.

Ни пули, ни петли, ни лезвия
Не выбирал – и жил-то вяло,

Теперь ответишь за Поэзию,
За годы, что она страдала.

СЛУЧАЙ

«На войне случается всякое.
Так однажды сержанту Николаю снарядом
Оторвало правую руку, правую ногу
И полголовы разворотило (конечно же, справа).»

Лежит сержант Николай и сквозь шок болевой
Думает развороченной головой:
– Был я человеком, а стал половиной,
Кровь моя перемешана с глиной,

Вот я умер наполовину, сейчас умру целиком,
Стану облаком белым, ах, скорей бы стать облаком... –
И не видит сержант Николай, превращаясь в ничто и дым,
Как белые санитары идут за ним.

А за линией фронта – поле, на поле минном
Рядовой лежит – он тоже стал половинным,
Усечённым слева кусками кусачей стали,
И зовут его Николаем. Точнее, звали,

Потому что душа Николая, та, что цела,
Потихоньку уходит, то есть почти ушла.
И сейчас Николай превратится в ничто и дым...
Но приходят два санитары за рядовым.

.....
«Доктор Франк доволен. Группы крови совпали.
По всем параметрам эти двое подходят друг другу.
– "Идеальная пара" – шутит доктор Франк.
С хорошим настроением он идёт в операционную.»

.....
Человек на кровати, вокруг провода, по которым
Уходят сигналы от датчиков к мониторам.
Человек подключен к аппарату, но сам уже сделал вдох.
Доктор Франк, вы – бог!

.....
Я не помню себя, не помню, кто я такой,
Я могу дышать, а вчера шевельнул рукой.

Медсестра говорит, что я иду на поправку
И за это всё спасибо доктору Франку.

О, спасибо ему, спасибо, что я живу
И что линия фронта теперь проходит по шву.
Слева прячется враг и справа прячется враг.
Ты родил чудовище, доктор Франк.

– Коля, Коля, Николай,
Сиди дома, не гуляй,
Ты зачем ходил гулять,
Из винтовочки стрелять.

Виктор ЕСИПОВ

Родился в Москве. Поэт, литературовед, автор трёх поэтических книг. В 2017 – 2019 годах стихи публиковались в журналах и газетах: «Человек на земле», «Плавучий мост», «Новый свет», «Этажи», «Дети Ра», «Литературная газета», «Экслибрис – НГ». Старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Живёт в Москве.

При чтении стихов Виктора Есипова действительно забываешь, процитирую поэта, про тропы и стилистику, потому как совершенно растворяешься в живой авторской речи, в её неразъёмной полноте, естественности и прозрачности. В поэзии Есипова любая подробность узнаваема и достоверна. Так почему же она так трогает? Наверное, потому, что это подлинная поэзия.

О. Г.

* * *

Куст акации у магазина,
желтым цветом усеянный весь –
за машиной мелькает машина,
и снующих прохожих не счесть.
О, посланник далекого юга,
жарких полдней, раскатистых гроз –
не страшны тебе больше ни вьюга,
ни прессующий ветви мороз!
Как ты вырос в московских пределах,
наших будней шальных новосёл?
И пусть в жёлтых цветках, а не в белых,
как ты вовремя нынче зацвёл!

* * *

Воробьёв распугивая стайки,
мой щенок резвится на снегу,
он породы европейской лайки,
ну а я, отвлечься не могу –
мыслю у осевшего сугроба
на исходе зимней мерзлоты,
что удача странная особа,
вряд ли с ней получится на «ты».
Вмиг она счастливицев покидает,
напоследок дав ещё пинка –
так ворона весело взмывает
перед носом глупого щенка.

* * *

Можно рвануть спозаранку
к Боровску иль Верее,
видя, вращая баранку,
всё, что мелькает в окне,
словно листая невольно
мест и времён палимпсест:
избы, вдали колоколья,
тусклый на маковке крест.
То по прямой, то отлого –
рвётся пространство в окно,
и под колёса дорога
мечет своё полотно.
Словно с открытки пасхальной,
в куще берёз на просвет
небо – ожог моментальный,
этот щемящий сюжет...

* * *

Капель, потоп! Бывало хуже...
Вот от метро наискосок
затормозил автобус в луже,
и пассажиры прыг да скок.
Толпа, миганье светофора,

над сквером воробьиный гам,
в ушах обрывок разговора
двух зрелых, элегантных дам,
что счастья нет, но есть потреба...
Причудлив тополя скелет,
и перечёркивает небо
косой от самолета след.

* * *

Вот, вспоминаю словом добрым
среди домашних скучных стен,
как в переулках за Садовым
мы созерцали стиль модерн.

В овалах плавных рам латунных
была мысль зодчего жива,
и ветви клёнов в свете лунном
напоминали кружева.

Изыск архитектуры русской
воображенье поражал...
Померкло всё в метро на Курской –
ты уезжала на вокзал.

* * *

А этот с башенкою дом
у Маяковской на Садовой,
он был когда-то мне знаком,
я в нём встречал однажды новый
какой-то год: бокалов звон,
благожелательные тосты
звучали в такт, я был влюблён,
и отношения с ней не просты,
пластинку патефон вертел,
бенгальские искрились свечи,
но танцевать я не умел
и просидел в углу весь вечер.
Москва светилась за окном,
недаром был этаж высокий...

А этот с башенкою дом –
он пережил такие сроки
и устоял! Прошли века
как будто с той пирушки дальней –
до «Голубого огонька»
ещё до «Ночи карнавальной».

* * *

В метро ещё книги читают,
хоть книжников мало таких,
они осторожно листают
страницы читаемых книг,
неясное мысли движенье,
по строчкам летающий взгляд –
и вдруг прерывается чтение:
Смоленская или Арбат?
А рядом айпады, айфоны –
их столько, пойдя сосчитай,
бегут по тоннелям вагоны
и в каждом вагоне вай-фай.
Их столько – айфоны, айпады,
Соцсети, рекламы – тщета!
Но с книгой сидящая рядом,
вы поняли, им не чета!

* * *

Расставшись с «Повестями Белкина»,
И дав отсрочку всем делам,
Возьму билет до Переделкино,
Где рядом – кладбище и храм.
Забыв про тропы и стилистику,
Про недописанный доклад,
Возраднуюсь любому листику
Из тех, что кружит листопад.
Галдят вороны? Или вороны
Ведут осенний разговор?
Теперь на все четыре стороны
Застройкой поправленный простор –
Примета нашей современности!

Дни, чем насыщенной, тем злей!
Лишь облака в своей надменности
Плывут, не ведая о ней.
Едва ли дня предамся злобе я –
смотрю, ничем не знаменит,
на это скромное надгробие,
где сосны тянутся в зенит.

* * *

Так в тот день всё устроилось ловко –
повстречались, какие дела!?
В ослепительный день Третьяковка
нас под своды свои приняла.
Нить общения – гитарная струнка,
на щеке твоей солнечный блик,
мы с тобою на выставке Мунка
гвоздь программы прошляпили – «Крик».
А потом переулки и зданья,
и куда-то по Пятницкой шли
в состояние взаимопознания,
знать не зная, что ждёт нас вдали...

* * *

С крыш покатых лёд сползает битый –
выхожу с опаской за порог,
чтоб щекою, только что побритой,
ощутить весенний ветерок,
вновь понять (какие наши годы!),
что не всё потеряно пока
и что к изменению погоды
перистые в небе облака.
Близ Ордынки, в городской закрутке,
под мостом увидеть – не в окне:
ниоткуда взявшиеся утки
плещутся в весенней полынье...

* * *

Старинный вальс на снежной вечеринке
метель танцует, щёки леденя, —
сугробы огибаю по тропинке,
протоптанной прошедшим до меня.
Густеют быстро сумерек чернила,
и на губах смерзаются слова,
как много за день снега навалило
на месяц с лишним после Покорова!
Как там во льдах Печорам и Онегам?
Я ждал привета с севера давно...
И кепочка моя покрыта снегом,
и пёс мой — чёрно-белый, как кино.

* * *

По первому снегу, по первому снегу
Пройдёмся вдоль Клязьмы по сонному берегу.
Здесь ели чернеют сквозь снег вековые
И к облаку тянутся сосны седые,
И дали заречные видно с обрыва,
Где дым над трубою как конская грива.
Ах, сани сюда бы, да лошадь с уздечкой,
Чтоб путь проложить над замёрзшею речкой.
Чтоб горечь развеять — тщеты городские.
По первому снегу ... мечтанья пустые!

* * *

Радуюсь каждому случаю
выйти с собакой во двор.
Небо над крышами тучами
вынесло дню приговор.
Тучи, на сумерки хваткие,
стибрили солнца янтарь,
и над спортивной площадкою
тусклый зажгётся фонарь.
Тени крадутся как жулики
вкривь по земле и судьбе...
В эти январские сумерки
думаю вновь о тебе.



Анна Будина. «Варги 28». Акварель, бумага, 30,5x45,5 см. 2019 г.

ДЕБЮТ

Максим НЕКРАСОВ

Родился 20 октября 1998 года в Казани. Большую часть сознательной жизни прожил в Петербурге. Получал высшее образование в Москве. В данный момент студент Института физики КФУ. Стипендиат мэра города Казань. Лауреат и обладатель гран-при городских, республиканских, всероссийских и международных конкурсов академической музыки и поэтических конкурсов. Автор книги «4/10». Вдохновляется постсоветскими поэтами, последними поэтами Империи.

Максим Некрасов – автор, который, на мой взгляд, вряд ли кого оставит равнодушным. Его стихи предельно метафоричны. Причём, зачастую метафоры, сквозь которые поэт преломляет реальность, вопиюще внезапны, парадоксальны, многомерны. Образность Некрасова – это во многом бунтарская, вызывающая образность. Порой даже возникает ощущение маленького метафорического гармидера. Но это лишь первое, поверхностное впечатление. При более пристальном прочтении, погружении в эту беспощадную поэтическую речь начинаешь чувствовать и принимать уникальность и точность большинства образов, мало того, начинаешь жить в преображённой автором реальности и чувствовать правоту авторского высказывания. А это дорогого стоит.

О. Г.

* * *

не плацкартом по родине новой,
но по старой в СВ,
по костям цвета кости слоновой,
по янтарной листве,
по россии покатымся синей –
в смысле? да ни в каком –
мимо кладбищ, поросших осиной
и примятых катком,
мы с пригорка покатымся в память
на чужих тормозах,
чтобы слёзы застыли, как камедь
в оловянных глазах.

ВОКЗАЛЬНОЕ

что говорить если жизнь уже всё сказала
ты прочтёшь эти губы оставшиеся от лица
неизвестно кого принесёт на перрон вокзала
где последняя встреча не хочет себе конца

поезда поезда – дорогие сапсан и ластва,
чьи-то ноги – упавшие тело – в проём босой
голоса докучая как среднего признак пласта
чудом ещё не пропавшего в мезозой

что говорить раз листва зеленой не стала
во дворе дрова на траве рассыпаются на руках
поздняя осень рвётся излучинами состава
пряча себя в туманно-гнилой рукав

ОСЕНЬ

загнила наша осень безумная
в гардеробе чужих голосов,
и свистящая песня беззубая
осыпает багряный засов.

и глаза раскрываются заспанно,
и топорщится взгляд мотыльком,

точно плечи, которые за спину,
завели, размягчив молотком.

кто-то властвует, зверствует, шефствует
порывается в камень залечь —
и всему непременно предшествует
колокольная звонкая речь.

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ

мы возвращаемся на места своих преступлений,
разжимаем сомкнутые в кулак пальцы, семьи, сомкнутые в колене,
и белеют наши костяшки, и кровоточат слёзы
несбыточным повтореньем.
мы возвращаемся. расшибаемся оземь в осень.
ровно в восемь смотрим на мир культёй замёрзшей рассады с
подоконников пустых спален.
мы вспоминаем. мы рады, что живы, но разве живы?
разве мы живы?!

мы возвращаемся. это нельзя назвать жизнью и смертью.
наши танцы сгорбленны и ущербны, а песни скорбны.
наши тени в соседних окнах, как весёлые негативы.
это мы. наше счастье. мы вспоминаем.
мы возвращаемся. сыновья многоточья, дочери восклицательных
знаков.
откуда мы знаем ответы на риторические вопросы?
мы замёрзшие тросы вдоль полей шерстяных исключительно красных
маков.

мы вспоминаем, когда в последний раз вспоминали.
мы возвращаемся на место событий, на место встречи,
и наши пустые речи в земле разлагаются дольше, чем пластик,
и наши пустые головы гремят колокольным звоном по всем равнинам,
по дорогам и весям, по проспектам и переулкам.

мы возвращаемся ночью в пустые квартиры к креслам и стульям,
мёртвые с косами в наших парадных сочувствуют нашим судьбам.
чё мы делаем здесь, на земле, коль собаки плюют нам в спины?
чё мы делаем здесь, на земле, если воры гуляют в небе?

мы возвращаемся. мы вспоминаем, но мы не помним.
мы не помним, кто мы, кого любили, кому приговор писали.
мы на всё ссали, в наших дверях вместо ручек торчат шурупы.
мы заходим в наши жилища с чёрного хода.
мы возвращаемся год от года от года к году,

мы размазываем по нашим тарелкам гнилую воду,
растекаемся лбом по стеклу в полуночном трамвае: наш разум
неприкасаем.
мы дрожим на ветру. нам не холодно. мы слезаем.

ЭТЮД В МОСКОВСКИХ ТОНАХ

Вечереет на Воробьёвых,
скрадывая цвета;
бело-чёрная лень опустилась ниже;
не колышутся воды и с ними иже;
на панели высокая тень кота.

Разобщение павших листьев,
сложенное в костры;
безымянные стоны дворов направо.
Так и хочется крикнуть туда-то: «браво!»,
где горячие вдохи ещё остры.

Но дыхание без ошибок
стягивает петля:
то ли шарф, то ли северный ветер, а то ли
пневмония, что лечится смертью, коли
умиление лечится словом ...ля.

И не спрячешь сердцебиенье
остовами пальто,
и разбитый *клendarь* не подскажет даты,
и никто не спросит тебя: куда ты?
И припомнит навряд ли тебя никто.

СИНИЦА

От кормленья к кормушке,
от вершины к верхушке
ты под облаком вьёшь петлю.
Мера жизни недлинной
тебе кажется глиной,
но ты снова кричишь: стерплю.

Как писал из Америк
мой учитель-холерик,

за стеною, чай, не Париж.
Так зачем же, зачем же
всё надрывней, всё реже,
всё бессмысленней ты паришь?

ПИСЬМО

Ленинградская полночь. Фонари мельтешат, как созвездья.
В полутьмах не найти перекрёстка – читай перекрестья.
Тени чёрных осин перерезали горло дороги.
Ленинградская полночь. Колыбель безмятежной тревоги.

Я стою над водой. Я над гладью стою водяною.
Эта ночь, Боже мой! Эта чёрная ночь надо мною.
Ничего не видеть! Ничего не увидеть за нею.
Так черно, что и сам я, наверное, тоже чернею.

Воспалённые мысли к виску прижимаю рукою.
То шептанье твоё померещится мне над рекою,
то твоя бездыханная нежность, то твоя черноокость.
Я стою и смотрю. Но со мной лишь моя одинокость.

Не дано прикоснуться. Не дано тебя слышать и видеть.
Не дано полюбить. Не дано тебя возненавидеть.
Где-то там, далека бесконечно, бесконечно пустынна,
ты как чёрная птица взмахнула с нечётного тына.

Боже, как ты быстра! Не погнать за тобой самолёта.
Так быстра, как фотоны, твоё создававшие фото.
В этих новых слоях атмосферы, где бесчинно и люто,
ты паришь высоко, но на свете не снишься кому-то.

Боже мой! Боже мой! В этот век, где вокруг только пластик,
отовсюду стираю тебя, но стирается ластик.
Отовсюду сдираю эту память, как пустую афишу.
Потому что не вижу тебя, потому что не слышу.

Так лети же! Лети в безотчётность, как чёрная птица.
Не проститься с тобой, так хотя бы с собою проститься.
Поджигаю тебя, не тебя, но себя отвергая.
Пропади же ты пропадом, догорая, моя дорогая!

До свиданья! Гудбай. Это больше не ты. Это некто.
До свиданья! Гудбай. По нулям твои брутто и нетто.
Темноты, черноты навсегда овдовевшая дочка.
До свиданья! Гудбай. Не нашедшая площади точка.

РЕБРО

и любовь и любовь – никчемушное слово
для того что сегодня в метро
запоролó своё лебединое соло
и окажется скоро мертво
фонари фонари до фотона потухли
для меня дурака на перо
ну не станет со мной размалёванной куклы –
я ещё поломаю ребро

ВСЁ

за сиплое слово за розовость щёк
за бледные парки вдвоём
за новых листов хризолитовый шёлк
за пьянку в подъезде твоём
за бога за ангела что не пришёл к
обедне девятого дня
давлю на гашетку и делаю щёлк
а смерти не надо меня

АНГЕЛ

чёрный ангел на чёрном снегу
полежал и пропал
я скучал – я горел по нему –
и сгорел как пропан
дети взяли мелки – ну и ну –
толкотня беготня
чёрный ангел на чёрном снегу
а обводят меня